

Баир Жамбалов

Ось зла

Баир Владимирович Жамбалов

Ось зла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10743256

ISBN 978-5-4474-1189-3

Аннотация

Далёкое будущее человечества Земли, вступившего на ступень цивилизации третьего типа, владеющего звездолётами на основе варп-двигателя, что даёт движение, намного обгоняющее свет, перемещая пространство в Пространстве локальным искажением самой геометрии Вселенной.

Но где-то есть цивилизация...

Конкурент ли во Вселенной?

Содержание

1	5
2	12
3	18
4	24
5	32
6	39
7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Ось зла
Далёкое будущее
человечества
Баир Владимирович
Жамбалов**

© Баир Владимирович Жамбалов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

1

Он озирался. Страх, никогда не присутствовавший страх заледенил душу, отважно доблестную душу. И чернота тьмы оказалась её союзницей, ещё какой союзницей. Вот так и проявилась обликом страшного момента. И обозначилась неведомость, вносящая, придающая страх, как скрытую истинность достояния духа, никогда не познавшего его, как зловещая истина, искренность гнусного призрака парализующего ужаса.

Чёрная тьма покрылась тишиной, гнетущей тишиной, за которой едва уловить медленное колыхание магического танца смерти.

Он озирался в океане тьмы. Но был же свет там, впереди? Ослеп ли он? Нашупал рацию, это древнейшее создание, от которой отдавало примитивизмом.

– Первый, первый отзовись..., – кричал ли он, шептал ли он.

Тьма оставалась ответом, задавив гнетущей тишиной, что не звенела, лишь предоставив права гулкому биению сердца, что служило источником нарастающего и нарастающего страха. Он озирался кругом. Ведь был же свет впереди.

– Что со мной, что со мной? Я не могу понять. Где остальные? – прорвал тишину тьмы голос первого.

– Ты где? – крик его рванулся в рацию, разрывая тишину.

– Не знаю, не знаю..., – ответным ужасом отдалось справа ли, слева ли.

– Иди на мой голос, иди...

Слева, точно слева послышались вкрадчивые шаги, отдающие неуверенностью. Они приближались. Наконец притаились где-то рядом.

– Где остальные? Где второй? Где третий? Где все? – спрашивал он первого, всё ещё не разглядев во тьме какой-либо его контур.

– Не знаю, не знаю..., – ужас продолжал присутствовать в голосе первого.

Молчание не давало собраться мыслям. Нет, они были, но, скорее, смешались с единым чувством, исходящим от сердца, которым заправил страх. Как? Что происходит с ними?

– Где вы? Где вы все? – то ли истерика, то ли ещё что из этого рода прорвалось в его рацию, как и в рацию первого. То был пятый, где-то озиравшийся во тьме.

– Я буду говорить: «Раз, раз, раз...», – овладев неожиданно здравым смыслом, говорил он, на которого и была бы возложена такая роль, случись любая экстремальность.

Но кто мог бы предположить именно вот такую экстремальность? И мысль чиркнула молнией: «Как жили предки?»

Эта мысль была точной, как никогда. Но дальше развивать мысль до философии было некогда в ситуации, требовавшей лишь действий и действий. Потому он тихо стал го-

ворил по рации, которую посчитал раньше, намного раньше, лишь бесполезным грузом: «Раз, раз, раз...»

Такая же вкрадчивость шагов. Но иначе и быть не могло. Он и первый ждали пятого немного с воодушевлением. Ибо нет страшнее одиночества, когда кругом одна тьма. Наконец, он рядом, над которым также властвует страх. Но, и у него, у пятого отходит он, уступая место безумной радости. И понять это можно. Готов был пятый излить ту же радость, но остановил он его. Не место и не время.

Ещё немного тишины. Тьма и тьма. Их трое, пока трое. Стоит немного обождать. Подумать. Да, так и будет делать. Звать, подзывать по рации голосом, тихим голосом.

Где-то вдалеке, вдали начиналась заниматься заря, обдавая тёплым ветром в заиндепевший дух. Это был свет, пусть какой-то не такой, но свет.

Холмы Венеры, подпирающие облака, густые облака.

Так подумал он, так подумал. В таком облике обрушилась мысль. Но отогналась. Другое, другое...

То был рассеянный фиолетовый свет впереди. Лёгкий, воздушно лёгкий.

Все трое ринулись к нему навстречу. Побежали, бежали. А он, свет убежал, оставаясь манящим маяком впереди.

– Стойте. Не так, не так..., – скомандовал, как и положено ему, но особенно в этот миг. – Стойте. Не так, не так..., – скомандовал он уже в рацию, надеясь, что донесётся до всех, услышат все.

Где-то звуки топота ног, беспорядочный топот прекратился. Но уже немного веселее. Где-то они там, по разным сторонам.

– Бежим тихо, бежим на свет. Бежим и приближаемся на мой голос..., – уверенность обреталась и обреталась у него.

Топот ног возобновился. Так же его голос по рации: «Раз, раз, раз...»

– Я вижу вас, я вижу вас, – донеслось сначала справа, затем слева, приближая топот к ним, их очертаниями, идущим от фиолетового света, от убегающего света.

Их стало четверо, затем пятеро, их становилось больше. Намного веселее стало. Хотя, какая может быть весёлость.

У него было тогда, ещё во тьме, ощущение того, что тьма вверх упирается во что-то, и это что-то есть потолок, не высокий, не низкий. И вот наступивший свет подтвердил это. Над ними потолок, чёрный потолок. Но вот где стены? Направо, налево, назад власть бескрайней тьмы. Но впереди свет, фиолетовый свет, убегающий свет.

Но вот свет остановился. И они остановились. Вкопанные. Молча.

Манил ли свет? Приманивал ли загадкой, таинственной загадкой? Потому и не решились идти на него, вступить в него.

И вдруг показалось ему, всем показалось, что кто-то есть за спиной. Стоило ли обернуться?

Поступь, тихая поступь раздавалась за спиной. И стихла, навлекая тишину, зловещую тишину.

Стоило оглянуться. Потому оглянулись.

Тьма продолжала властвовать там, скрывая кого-то, чья тихая поступь растворилась в тишине, гнетущей тишине. Кто ты?

Тихий свет, наконец-то, стал пробиваться и в этой стороне, но остановился тускло, рассеивающее, оставляя тьму, в которой растворён кто-то.

Он здесь. Он не из них. Потому они встали обернувшись. Какая там весёлость, которую смахнуло лёгким пёрышком на ветру. Встали вкопанные. Как смиренные ягнята на заклание. Осталось бы бляеть. Но нет. Пересохшим языком не выразить ничего. И он не устремит команду. Власть ожидания.

Ситуация наслаждалась чарующей игрой неизвестности будущего. Таинственного будущего.

Из тьмы к свету пробивался контур неизвестного, владельца той поступи, что следовала, преследовала позади, до того, как обернулись.

Вот оно – начало кульминации!

Контур приближался. Он выходил из темноты, из тьмы уверенно, как может быть уверенным тот, кто владеет ситуацией таким вот чёрным демоном вечной ночи.

То был ли грозный миг всепожирающей истины?

Он остановился перед ними. Он встал. Другой лик. Другой взор. Иная острота. То был ли взор чудовища? Ибо всё,

что есть иное, и есть из этого разряда.

Менялась цветность глаз от тусклоты мерцающего отсвета мутной блеклости белков холодного инея, от придыхания смерти до яркости, до яркости подсвеченной. Посреди чернота, глубинная чернота зрачков, дающая связь неведомого мира неведомых глубин мозга, иного мозга иной созерцающей истины с миром, в котором застыло время. Таинственный портал.

Им, застывшим в оцепенении он указывал направо ли, налево ли туда, где немного забрезжил свет, свет мириад галактик.

Было ли это велением чужой субстанции, в котором не живет, властвует разум, иной разум, когда они в порыве едином бежали, побежали туда, где открылся мир, знакомый ли мир.

На краю бездны ли, не бездны ждал дисколёт, их дисколёт. Присутствовала проворность, когда лишь дыханием мига и хватило всем оказаться в нём, оказаться в своём мире, привычном мире.

Стоило оглянуться, стоило у самой кромки звездолёта с варп-двигателем, намного обгоняющего свет всесильным «двигателем искривления», тем самым пузырьём искривления трансформируя волновую деформацию пространственного континуума перемещением пространства в пространстве до локального искажения пространства-времени, искажения самой геометрии Вселенной.

В вакууме холодного космоса далеко, далеко от звёзд, от мириад галактик вопреки физике природы, но вопреки ли разуму, застыл неподвижно, без намёка на вращение, чёрный шар, размер которого достигал размеров той Луны системы того Солнца от Галактики Млечный Путь.

2

Далеко до Земли, далеко до планет Солнечной системы и их естественных спутников, далеко до космических городов Солнечной системы, плавающих в вакууме от Меркурия до Плутона отсюда, от созвездия Гончих Псов. Десятки, сотни, тысячи световых лет, чем не повод для сепаратизма, для полного отделения от человечества Земли, от человечества Солнечной системы, откуда иногда идут сообщения директивного, приказного характера, что потребуется для радиосвязи десятки, сотни, тысячи световых лет. Но нет. Другой уровень. Разуму человечества ли, но, во всяком случае, передовому из передового авангарда, именуемой технократией, удалось подобрать ключи к иному виду связи. Гравитационное поле, пронизывающее пространство в сотни миллиардов раз быстрее радиоволн. Какой уж там сепаратизм, когда каждый раз и слышишь голос Солнечной системы. Но какой уж там сепаратизм, когда в распоряжении человечества звездолёты с варп-двигателем, что впору подходит им обозначение галактолёты. Но почему он думает о сепаратизме?

Старались оставить на Земле разного рода наркоманов, пьяниц, разного рода приверженных к преступности, разного рода из рода человеческого, которого в пору отнести к арьергарду развития всего рода человеческого. Но и проникали кое-кто из них в другие планеты, спутники планет,

и в эти же плавающие космические города глобальной человеческой цивилизации второго типа. Но решено было, когда и взойшли, величественно взойшли на величественную ступень цивилизации третьего типа, закрыть доступ этому самому арьергарду на экзопланеты далёких, далёких звёзд Галактики Млечный Путь. Ну, а каков авангард человечества, удостоившийся жить на экзопланетах, тем самым расширять Ойкумену в пределах Галактики?

Сверхчеловек! Вживлённые приборы позволили углубить, расширить восприятие мира стандартной модели. Потому и стал доступен звук более высоких и низких частот, чем способно воспринять ухо обыкновенного обывателя, которых предостаточно на Земле, которых хватает и в новых местах обитания от Меркурия до Плутона. Потому и способен он увидеть волеизъявлением инфракрасные и ультрафиолетовые лучи. Свехориентация в пространстве. Запрограммированное здоровье высочайшей нормы. Долгожительство длиною в сотни лет. Сверхчеловек!

Потому и завис вопрос о «коперниканской ереси». Ну и что, что Земля не является центром всего сущего, как и Солнце, притулившиеся на окраине галактики, которую человек, как закон непреложный, пишет всегда с заглавной буквы Галактика Млечный Путь, предъявляя тем самым себе право на исключительность, тогда как Галактика Млечный Путь всего лишь одна из многих миллиард галактик Вселенной. Но ведь и Вселенная весьма может быть одной из ми-

риад вселенных Мультиверса, которому не придана истина последней инстанции. А что тогда может быть величиной немислимой громадности, до высоты которой не взобраться разуму?

Антропный принцип. С древнейших времён возымело мнение о собственной исключительности...

Ох, собственная исключительность! Антропный принцип. Вселенная для человека!

И так было, когда и знали, представляли разумом, когда стояли у берега громадности величины, с высоты низвергающей огни бесчисленных звёзд. Как числа – изобретение разума, ибо самим мерцающим звёздам нет никакого дела до чисел, до разного антропоцентристского принципа, до самого носителя подобной теории.

Сколько шагов до Луны, до Солнца, до звезды Альфа Центавра, до Туманности Андромеды?

Но иначе поставим вопрос. Квазары на окраинах, размером в десятки, сотни солнц, но испускающие свет в десятки, сотни раз мощнее каждой галактики, измерены дистанцией в пять, шесть миллиардов световых лет. Так вот вопрос – сколько световых лет до горизонтов Мультиверса? Быть может триллион световых лет, быть может, биллион, секстиллион, квадриллион, квинтиллион световых лет, быть может, октильон (1 и 27 нулей) световых лет, нонильон (1 и 30 нулей), новемдецильон (1 и 60 нулей), гуголь (1 и 100 нулей)...

Числа, перед которыми взволнованно затрепещет разум.

И после этого возымает ли торжество горделивого парада собственной исключительности?

Было, отчего задуматься Арону Стару, есть, отчего задуматься. Но что заставило, так задуматься? Множество и множество информационных потоков, что изливаются от телевидения местного порядка системы Игрек Гончих Псов, да от того же интернета порядка местных экзопланетарных систем, информационных потоков, в секунды предоставленные гравитационным полем от звёздных систем Млечного Пути и, конечно же, от Солнечной системы во главе с Землёй, от альма-матер технико-технологических прорывов. Но вот одно известие как-то промелькнуло совсем уж скромно, совсем. Прибытие в Галактику одного звездолёта из глубин глубинного космоса. Хотя, что делать из этого шоу. Уже не сотни, тысячи таких полётов, переходов и через гиперпространство, и через изменённую структуру геометрии пространства. Но почему именно это скромное сообщение из созвездия Лебедь, и почему такие мысли от него?

«Рассудок – это попытка познать непознанное, а интуиция – происшествие непознаваемого. Проникнуть в непознаваемое возможно, но, невозможно его объяснить....»

Интуиция действует, как квантовый скачок.

В ней нет методологической процедуры, она просто видит вещи....

Пустоту нельзя дать, пустоту нельзя бросить в вас. Вы можете в ней участвовать, можете в неё двигаться, но никто

не может вам её дать. Она не подлежит передаче. И лишь пустота может работать в мире истины....

Чтобы двигаться в мире направления, человеку требуется безмерное доверие, потому что человек движется в незащищённости, человек движется в темноте. Но темнота приносит свой собственный трепет: без всякой карты, без всякого проводника ты движешься в неизвестное. Каждый шаг – это открытие, и открытие не только в тебе....» – так говорил Ошо, говорил, и его слова записывались на магнитофон.

На книжной полке, как дань старине, в ряд расположились некоторые книги из каменной бумаги. Посреди и книга Ошо в каменно-бумажном варианте, глянец обложки которой затерялась в пестроте.

Он слово в слово привёл себе слова индийского философа на заре технократии. Он не заучивал, лишь раз прочитал. Он может привести слова многих мудрецов, лишь раз прочитав. Он обладает даром савантизма. И не только. Он обладает даром выраженной интуиции, которая, кажется, не зря отозвалась на это скромное сообщение о звездолёте, прибывшем в созвездие Лебеда из самых глубин глубинного космоса, из чёрной бездны Вселенной. И он, примерно, понимает, что это сообщение лишь верхушка айсберга, огромного айсберга, под которым подразумевается секретность, именно секретность. Он понимает, что есть смысл, скрывать что-то не то, не то, что от широких масс, от всего человечества. Он понимает, что посвящены в эту секретность лишь едини-

цы, единицы к которым присоединится он в недалёком будущем, ибо у него кроме выраженного дара савантизма выражен и дар интуиции, которая должна, в эпоху вершин научной мысли, в эпоху вершин достижений технократии быть оружием по всей полноте боевой готовности.

Долго ждать не пришлось. Заиграла музыка, как в ту эпоху ранней технократии, когда появились первые мобильные телефоны, как торжество технико-технологического прогресса.

Он знает – в данный миг под углеродисто-волоконным куполом помещения ролла он не один. К нему явился посетитель, он в соседней комнате...

3

Она была прекрасна. Она привнесла с собой в его дом, насквозь пропитанного мужским духом, сладостный женский запах, усиленный изысканностью духов «Сияние от Волос Вероники». Она была той, о которой подумал, ведомый интуицией ли.

Каждое открытие от уровня примитивности имеет тенденцию к усовершенствованию, и в конечном случае приводит к высшему уровню совершенства, возможно, оставив кое-какой шанс ещё для восхода на вершину. Но за вершиной может быть другая вершина. Технологический скачок с тысячекратным увеличением мощности компьютеров. «Закон взаимного усиления выгод.» – как назвал это Рэй Курцвел, инженер той минувшей эпохи, когда и зачинался скачок научно-технического прогресса, научно-технологического прогресса.

Гравитационное поле, свершившее волшебство стыковки гравитационного и электромагнитного свойств взаимодействия. Революционная разработка в области коммуникации – новый передатчик информации – гравитационное поле, как мгновенная связь между звездными системами, а то и между галактиками. Полёт информации в сотни миллиардов раз быстрее радиоволн. И вот это изумительно волшебное парео...

К-атомы, клэйтронные атомы обвораживали, завораживали совершенностью графического реализма парио. Реалистичность цветового палитра трёхмерного лазерного интерфейса могла бы поразить воображение предков, зачинателей космической связи на электромагнитной основе. Но не электромагнитная основа. Иной уровень. Интерфейс на территории гравитационного поля.

То назвать ли торжеством интуиции, когда и подумал об этом созвездии, куда прибыл тот самый звездолёт, от которого и повеяло некой особенностью, таящей загадку, таинственную загадку, несмотря на тысячи подобных случаев прибытия, отбытия звездолётов, меняющих локально контур геометрии Вселенной, что скорость света сродни скорости пешехода перед болидом, ревущим бешено.

Да, перед ней предстала та самая, о которой подумал вряд ли на волне любви, но на гребне профессионального чутья точно. То предстала Лица Сан во всей её красе, перенесённая образом из созвездия Лебедь за какие-то доли секунды. Разговаривай будто рядом.

Реконфигурируемые наномасштабные роботы – к-атомы воспроизвели точно и запах женственности, и духи от сияния Волос Вероники, и, кажется, сам дух, оживляя парио неким волшебным ароматом предстоящего общения.

– Здравствуйте, Арон. Я вижу, Вы никак не удивлены моим появлением в Вашем уютном ролле..., – её заливисто мелодичный голос был также прекрасен.

Клэйтроника на том же уровне обеспечивала и звук, перенесённый гравитационным полем. Он в созвездии Гончих Псов, она в созвездии Лебедь, между ними тысячи световых лет. Так о чём же беседа? Но как-то подсказывает...

– Здравствуйте, Ли́ка. Но почему я не удивлён. Ещё как удивлён, но больше удивлён какому-то чутью..., – отвечал он искренне, потому как появление её здесь в его ролле было приятностью из неожиданных, но говорящее помимо разума о том, что должно было произойти подобное.

– Ваша знаменитая интуиция? – рассмеялась она довольно звонко.

– Да ленится она, ничего не делает, бездействует..., – пробурчал он, однако, не так уж злясь на свою нужную собственность, которую произвели в профессию, но очень редкую в эту эру цивилизации третьего типа, когда человечество Земли после Солнечной системы решило основательно расселиться на экзопланетах Галактики.

– И, всё же, она взорвалась в нужный момент..., – инерция звонкого смеха продолжала инерцию в тоне её довольно мелодичного голоса, под стать красе, которую воспроизвели довольно ярко искусственные клэйтронные атомы.

Он числился здесь астрономом. Смотри себе на звёзды и не путайся под ногами. И высматривал в чёрные небеса мерцающих звёзд, в надежде найти незамеченную галактику, которых, всё таки, хватает. О сути истинного предназначения старался молчать, ибо знали об этой сути далеко не все,

лишь некоторые. Скажи вслух, засмеют. Интуиция – давно прерогатива нейрональных компьютеров с искусственным интеллектом. Вот оно – свидетельство разумной жизни не природного углеродно-белкового характера! Но видать и наступил вот этот момент, нужный момент по её выражению, что вспомнили о нём, да так, что связались с ним из созвездия Лебедь. Но кто на связи?!

– Я думаю, это связано со звездолётом, прибывшем в ваше созвездие..., – говорил он «в ваше созвездие» ничуть не стараясь подчеркнуть это, дабы стремясь подчеркнуть созвездие Гончих Псов как наше.

Знал, что просто так получилось, ибо всю наступил расцвет колонизации Галактики Млечный Путь, да и на соседние галактики не прочь заглянуть, посреди которых давно знаменитые Большие и Малые Магеллановы Облака, да туманность Андромеды. Ну, а звездолёт прибыл, вернулся, прежде всего, в свой мир, в мир человечества, Ойкумена которого давно уже не одна Земля, да Солнечная система.

– Да, звездолёт. Всё бы так, но посреди экипажа есть некоторые странные личности..., – на этот раз её голос немного поблек, потеряв недавний блеск залиvisto мелодичного тона, покрывшись немного налётом грусти.

– Пережили экстремальность?

– Похоже, пережили. Да, пережили.

– И что...?

– Скорее всего, это первый контакт...

Вот оно что! И дух перехватило. Неужели свершается ожидание человечества? Сравнить ли состояние могущественного многомиллиардного человечества с одиночеством, когда покоряются расстояния от галактик до галактик, когда по велению разума локально искажается геометрия и суть пространственно-временного континуума? Он молчал, да и она не торопила его, и конечно потому, что и сама, как и некоторые, кому положено знать кое-что из неординарного на созвездии Лебедь, как и некоторые, кому положено знать на Земле и в Солнечной системе, пережила настоящий шок.

Вот и сейчас с ним такой же шок. А разум, тем временем, когда участилось биение сердца от взбудораженной души, лихорадило. Мысли заметались. Посреди экипажа странные личности. Но почему? И сразу рядом возникает другое почему. Почему связались с ним? Так, так..., выходит, помимо интуиции нейронального компьютера с искусственным интеллектом, нейронального транспьютера с искусственным интеллектом понадобилась интуиция живого человека. А ведь он здесь числится официально астрономом, безобидным астрономом, а не экстрасенсом, не предсказателем. Где ж видано, чтобы в век освоения Галактики, в эпоху дико стремительного взлёта по всем, всем направлениям науки, техники, технологии, иметь штат шарлатана, никак больше и не назвать. Хотя, всё это так, но в этом плане учитывалась тайна человеческого мозга, которая и не разгада-

на до сих пор, учитывались таинственные возможности человеческой психики, и вот эта самая до сих пор непознанная суть, идущая изнутри, вот эта самая интуиция.

– Контакт был связан с экстремальностью? – спросил он тихо, скорее, по инерции состояния, чем от разума.

– Да. И знаете, мы думаем, что перед нами могущественный разум..., – говорила она очень серьёзно, потому и исчезла, испарилась всякая там мелодичность тона.

– Не перед нами, не перед нами. Он скрыт от нас..., – говорил, вряд ли ведомый логикой, ибо логике потребуется время для анализа, а ответ его был так быстр, что без особого чутья не обошлось.

– Да, он скрыт от нас. Мы не знаем о нём ничего. Но он обозначился в далёкой галактике за миллиарды световых лет от Млечного Пути. Но, скорее, не в галактике, посреди галактик. В холодном вакууме холодного космоса.

– А в чём же странность некоторых членов экипажа?

– У них утеряны приобретённые качества. Но, скорее, отобрали...

Прошло время, примерно полчаса, как завершилась связь, как продолжали утихать, угасать запахи её недавнего присутствия ушедшим шлейфом прекрасной ауры. Пришло время подумать, анализировать...

4

В светло ясную погоду ровно тихую гладь спокойного озера лишь тихая рябь не потревожит. И раскинется перед взором ярко замысловатой ассоциацией, идущей от глубин, идущей от синей бездны, и обворожит...

«Французский естествоиспытатель Леволлан ... в джунглях Индии..., его внимание привлекло странное поведение пёстрого дятла. Сидя на дереве, он дико кричал и корчился в судорогах. Причина выяснилась сразу: на расстоянии метра от него на ветке расположилась довольно большая змея. Не двигаясь, она уставилась на птицу своими сверкающими глазами. Неравный «поединок» закончился быстро: дятел свалился с дерева мёртвым. При его осмотре не было обнаружено ни малейших повреждений.

Не раз Леволлан был свидетелем и того, как от змеиного взгляда цепенели мыши и лягушки... Но однажды он и сам попал под действие такого взгляда. Охотясь на болоте он внезапно ощутил необычную дрожь во всём теле. Одновременно он почувствовал, что его помимо воли тянет к месту, куда он идти совершенно не собирался. Когда он приблизился к нему, то на расстоянии трёх метров от себя обнаружил огромную змею, неотрывно смотрящую на него. естествоиспытателю стоило огромных усилий в полупарализованном состоянии поднять ружьё и выстрелить в «гипнотизёршу».

И только после этого загадочные чары развеялись...

Но не только животные обладают «магическим взглядом»....

История сохранила немало сведений о подобном воздействии человеческого взгляда. ...был зафиксирован случай, когда весьма щедушный англичанин Буль Падзор на пари в 5 тысяч фунтов стерлингов взглядом остановил и поверг в бегство свору собак, которых на него специально натравили. От его взора собаками овладел панический страх. И они бросились врассыпную, кусая друг друга, а заодно и зрителей. После этого кровавого представления игры подобного рода по всей Великобритании были запрещены...

Взгляд человека, находящегося на пороге смерти, часто несёт в себе колоссальную эмоциональную силу, способную нанести непоправимый вред тем, на кого он смотрит....

С древности известны случаи, когда от чужого взгляда погибали люди....

Вот история, которая произошла в Индии, ...и о которой поведал перед своей странной смертью высокопоставленный чиновник К. Во время охоты он со своими приятелями убил слона и тут лишь вспомнил, что не взял с собой специальный нож для вырезывания клыков. Оставив слуг охранять слона от диких животных англичане отправились на ближайшую плантацию за ножом, решив заодно там и позавтракать. Когда через два часа они вернулись, то обнаружили престранную картину: перепуганные слуги прята-

лись по кустам, а несколько грязных малорослых дикарей вырезали драгоценные клыки из их трофея. Возмущённый К. приказал карликам убираться прочь. Но те в ответ только нагло рассмеялись. Луги прогнать их наотрез отказались: «Это муллу-курумбы. Их трогать – верная смерть...» «Что за чушь?» – и взбешенный К. (надо отметить, мужчина рослый и в расцвете сил) в ярости схватил предводителя курумбов за волосы, бросил на землю и несколько раз ударил нагайкой. «Карлик быстро вскочил на ноги, но к моему удивлению, не убежал. А продолжал смотреть на меня, не спуская глаз... От взгляда этой гадины я почувствовал буквально тошноту...» Странное это состояние, впрочем, не помешало высокомерному англичанину высмеять насмерть перепуганных слуг, которые что-то бормотали про «змеиный глаз». Он продолжал смеяться над этим «глупым и суеверным народом» весь вечер...

А на следующий день этот чиновник, встававший обычно рано, еле-еле проснулся к полудню. К вечеру сильно разболелась правая рука. Та самая, которой накануне он так лихо отхлестал «мерзкого карлика». А на третий день он и во все слёг: его охватили непонятная слабость и какое-то странное «утомление» во всех членах. «Словно в меня свинец влит вместо крови», – жаловался он близким. Врачи никакой болезни обнаружить не смогли. А состояние между тем всё ухудшалось: пропал аппетит, стала мучить бессонница... Здоровый, румяный, атлетически сложенный человек за че-

тыре дня превратился в скелет. На девятый день у К. отнялся язык, а на тринадцатый он умер...»

У него гора кирпичей, и он виртуозный каменщик. У него нет аномалий в мозге. Но бездна выдаёт то, что выявляет ярко выражено синдром невероятного саванта. Как есть. Потому и выхватил он из бездны мозга, из бушующего океана мощной памяти слово в слово один раз прочитанную статью Виталия Правдивцева, напечатанную в журнале «Эхо планеты» ещё тогда на заре интернета в ту далёкую, историей ушедшую эпоху, который и сохранит через века, через эпохи в своём вечно не скудеющем архиве, как савантизм, феноменально искусственный савантизм.

«У них утеряны приобретённые качества. Но, скорее, отобрали...» Слова её обозначились явственно в памяти, слова сказанные недавно. Не тот был тон голоса её, не как прежний, как знал. Что было в нём? Просквозила неуверенность, какой не было прежде никогда. Но неуверенность пока в малой доле, пока в малой. И немного от паники, где-то с каплю на глади спокойного озера. И это могло передаться от тех, прибывших из дальних галактических мириад. И от анализа тоже.

Выходило так, что утеряны были или же отобраны такие приобретённые качества с помощью нанороботов, наноприборов как расширенное восприятие окружающего мира – улавливать, слышать звуки более высоких и более низких частот, видеть инфракрасные и ультрафиолетовые лучи.

Выходило так, что вернули их к тому состоянию, каковыми и были всегда, будь то бронзовый век или же Римская империя, будь то эпоха Возрождения позднего Средневековья или же эпоха первых полётов в космос ещё до начала эры управляемого термоядерного синтеза, до начала эры господства нанотехнологий, сверхфеноменальной машины нанопликатора.

Выходит так, что не только тем, всем нам указывают место. Большого унижения для всесильно могущественного человечества и не придумать.

И сразу мысль, что забрезжил свет, чёрный свет войны, войны, которого всегда воевавшее человечество не испытывает на себе уже века и века. Но войны с кем?

Но забрезжил свет, другой свет, за которым вспыхнуло ещё раз за последние два часа парио, на этот раз не объявившее ауру лучезарности, что была немного ранее, привнесённая Ликой Сан с созвездия Лебедь. То был на этот раз сам представитель с Солнечной системы, да с самой Земли, тот, кому он непосредственно подчинился, исполняя в созвездии Гончих Псов лишь роль бутафорского характера, подчиняясь иным начальникам, к примеру, директору обсерватории, к которому как подчинённый по фактору истины ли, приходился подчинённым, точно как родственник седьмой воды на киселе. То в свете парио с Земли был Риэнс Тан – шеф службы безопасности Солнечной системы, то, бишь, шеф службы безопасности всего человечества от самой Зем-

ли, от всей Солнечной системы до всех экзопланет звёзд, созвездий Галактики Млечный Путь, шеф службы безопасности могущественной цивилизации третьего типа. Он-то никак не мог привнести ауру, от которой возрадуется сердце, потому парю сухо отсвечивал палитру соцветия, обозначая лишь дело профессионального характера, и не более. Но как было обставлено это самое дело в исполнении Лики Сан! Но шлейф той ауры испарился сразу под воздействием клэй-тронных атомов с Земли.

Разговор касался всё того же звездолёта, прибывшего в созвездие Лебедь, того звездолёта, который прикоснулся к контакту, первому контакту. Так надо полагать. Конечно же, сухой приказ, сухое наставление, которое закончилось такими словами, заключением вряд ли диалога на парю:

– Я свяжусь сейчас с созвездием Гончих Псов. Тебе выделят дисколёт. Отправишься на экзопланету. Там встретимся.

Он и так связался с созвездием Гончих Псов, если иметь в виду вот эту связь с ним. Но ведь это неофициальная связь.

Спустя время забрезжил свет в третий раз, выявляясь парю местного значения, предъявляя в пространство его жилища, его скромного ролла всполох ауры удивления, смешанного с любопытством огромного размера. То оказался им директор обсерватории, не скрывавший удивлённый взор. Как же, поступил приказ из Солнечной системы, из самой Земли предоставить целый корабль на экзопланету всего одному человеку. И кому?! Какому-то рядовому астроно-

му, не приметному ни в чём...

Спустя время он шёл по астероиду, чуть ли не пlying, взлетая чуть-чуть от слабого взаимодействия с едва ощутимой гравитацией, что ещё немного и улетит в черноту холодного вакуума, отстанет от дико естественного полёта астероида в застылой пустоте величия космоса. Он шёл, будто скользил, облачённый в скафандр из особенного метаматериала, сплошь рождённый наноаппликатором на искусственно созданной структуре, синтезированные характеристики которой не встречаются в природе. Одежда облегла по всему контуру его тела будто аура, будто обтекающая плазма термоядерного кокона, в котором он сам и есть кокон. Одежда, метаматериал которой с отрицательным свойством преломления, мог при случае сделать владельца человеком-невидимкой, но и служащая прекрасной защитой и от космического вакуумного холода, и от лучей звезды любого спектрального класса. Ох, каково же было первым поколениям космонавтов, астронавтов, облачённых в весьма громоздкие скафандры, стягивающих движение...!

Впереди, расстоянием в половину километра, полыхал факелом во все стороны свет золотистого огня, готовое к извержению в пустоте космоса синим пламенем. То было плазменное облачко, внутри которой покоился как тот же кокон, изготовившийся на старт. То был корабль с термоядерным двигателем, предназначенный для межпланетных полётов внутри звёздной системы. В данном случае внутри со-

звезда Гончих Псов.

На экзопланеты звёздных систем Галактики набирались команды из людей особенно талантливых. Возможно, такой отбор как-то и был сопоставим с трансгуманизмом, преследующим цель улучшения человеческой породы. Команды из выделенных, отличительных, преодолевающие биологические преграды, ограничения.

Да, физиологически, биологически такое оказалось возможным. Но изменится ли дух, тонко неуловимая субстанция – душа?

Когда он шёл к термоядерному кораблю, то провожали его взглядами члены команды, взглядами, в которых сплошь и было удивление. Как же. Самый незаметный, про которого и можно было бы сказать примерно так: «Как он сюда попал. Такого да оставить в Солнечной системе.» Но посреди удивлённых взглядов да проглядывалась кое-где и эта штука, неизменная спутница ещё от бронзового века, что именуется – зависть. Как же. Когда подавали одному человеку вот так персонально целый термоядерный корабль как такси, да какое там, как роскошное авто для весьма высокопоставленной персоны в стародавние века? И в эру изобилия для одного члена команды целый корабль – нонсенс. Если и выбирались на экзопланету, то уж планоно и всей командой. Потому и взгляды удивлённые, посреди которых да промелькнёт

нездоровый огонёк атавизма ли души, когда и недоступен путь к вершине. Знать бы им, что из всех особенных на астероиде он-то и есть особенный, самый особенный. Знать бы им, что пока существуют изменности души, не исчезнет никогда служба безопасности человечества. Но в данный момент другой случай, совсем другой. И вот это и есть внешний фактор, с которым человечество Галактики сталкивается впервые за всю свою осознанную историю, когда и овладел стрелой и луком. Именно впервые!

Когда-то он летел от Земли до Плутона на таком же корабле с термоядерным двигателем. Впечатляющие картины начинались в окрестностях Юпитера, в окрестностях Сатурна. Охватывалась картина сразу несколько естественный спутников, на глазах меняющих форму, размер. Туристы так и прильнули к экранам онлайн. И он прильнул вместе с ними, затаив дыхание от космической красоты.

Здесь не так. Единственная экзопланета звезды Сигма Гончих Псов имела один единственный естественный спутник миниатюрного размера, как и Земля Луну, но совсем не миниатюрную, даже весьма внушительную, по сравнению вот с этой данностью в данном регионе космоса.

Корабль с двигателем тяговой системы на базе управляемого термоядерного реактора продолжал полёт, черпая и черпая мимоходом извне неисчерпаемые внешние энергетические ресурсы невероятных по масштабности и массе, каковым и является межпланетный, межзвёздный, межга-

лактический водород – главнейший компонент космической среды. Чем не вечный двигатель?

А он всё также думал, размышлял, ибо и не привлекала обыденность черноты космического неба, лишь вдали прерываемая мерцанием крохотных звёзд...

Ровно тихую гладь спокойного озера лишь тихая рябь не потревожит в светло ясную погоду. И ярко раскинется перед взором замысловатой ассоциацией, идущей от глубин, от синей бездны идущей и обворочит...

«Представим себе двумерное существо на плоскости. Это существо не сможет увидеть угла или ломанной линии. Это легко проверить, если на горизонтальной к глазам плоскости держать перед взором две спички, находящиеся под углом друг к другу: мы увидим только прямую линию. Чтобы увидеть угол нужно посмотреть сверху, но двумерное существо этого сделать не может, а потому угла видеть не будет: – необъяснимым останется для двумерного существа, заключённого в замкнутую, (для его сознания – движущуюся) линию, изображающую в его мире наши четыре стены, откуда пришли и куда уходят вещи, поднятые или опущенные из нашего пространства трёх измерений. Для чувства осязания двумерного существа некоторые линии (для нас – углы) будут иметь необъяснимые для него свойства двигаться, начиная с известной точки, где начинается угол. Двумерное существо будет относить угол ко времени, будет называть угол движущейся материей. Движение, в действительности не су-

существующее для нас, для двумерного существа будет измеряться отрезком пространства и единицами времени....

Если идея Канта верна, если пространство и время являются свойствами нашего сознания, то это должно зависеть от устройства нашего психического аппарата. Положение Канта будет доказано, если мы увидим, что число характеристик мира изменится для субъекта в зависимости от изменения – обеднения или обогащения – психического аппарата....

При расширении же психического аппарата, к миру прибавляются новые свойства и новые характеристики. Этим и можно объяснить ещё редкие, но, как я пытаюсь доказать, неоспоримо существующие факты иного, более богатого, чем обычно, восприятия мира в явлении пророчества.

Для двумерного существа наше третье измерение пространства является временем. Если допустить, что наше «время» является пространством четвёртого измерения, где, подобно третьему измерению пространства для двумерного существа, пребывают все будущие и прошедшие события – пророчество становится понятным явлением. Загадочным остаётся только психическое состояние пророка,...

Если бы душа плоского существа заподозрила наше существование и вошла в какое-нибудь общение с нашим сознанием – мы оказались бы для него высшими созданиями, предсказывающими будущие и знающими прошедшие события. Мы видели бы угол, ломанную линию и центр, что да-

ло бы нам огромную власть в его мире...»

У него гора кирпичей, и он виртуозный каменщик. У него нет аномалий в мозге. Но бездна выдаёт то, что выявляет ярко выражено синдром невероятного саванта. Как есть. Потому и выхватил он из бездны мозга, из торнадо океана мощной памяти слово в слово всего один раз прочитанную электронную книгу Максима Генина «Нострадамус», которую он написал ещё до эры электроники на бумаге из целлюлозы.

Где-то в глубине, далёкой глубине души зарождается опасение, тревога, а то и страх. Причина – всё тот же звездолёт, точнее – то, с чем столкнулся он в глубинной бездне Вселенной. Игра ли интуиции?

Что ждёт его в недалёком будущем? Чего ждать ему от отдалённого будущего, если он доживёт до него? Каковым представится оно?

Как в старинной песне, миг настоящего от будущего к прошлому. Ибо не течёт река Времени от прошлого к будущему, никак не дано её повернуться вспять.. В бурливости своей она, река, обязана именно настоящему, готовящее будущее, неизвестное будущее, куда стремятся заглянуть лишь некоторые, приоткрыв завесу, занавес самой таинственности очарованной. Но уйдёт оно, настоящее, не остановится, уйдёт в прошлое, оставив наследство. И оно у всех разное, у кого-то богатое, яркое, у кого-то бедное, блеклое. Так какое же оно у него, вот это наследство, это прошлое? А у всего человечества? Да, несомненно, у него, у человечества богатое,

сверхбогатое, сверхяркое наследие, как фейерверк, не гаснущий фейерверк. Но и готовило человечество, но скорее, авангард человечества, издавна, приготовило себе вечность, осваивая Галактику Млечный путь. Ибо и не зависит ныне взлетевший разум от атаки, от падения астероидов на колыбель свою, на лоно своё, на планету Земля. Ибо ныне не зависит он и от неординарной вспышки на Солнце, на огненной поверхности единственно родной звезды, и от периодичности покрова ледников толщиной до километра над землёй, и от цунами наигромаднейшей волны, и от землетрясения, и от потопа чуть ли не вселенского масштаба по планетной мерке, и от супервулкана, пеплом предваряющим острый холод зимы на десятилетия, столетия. Но, хоть от одного избавилось человечество, разумом взойдя на пьедестал ещё в те века, когда и осваивались территория Солнечной системы. Самой угрозы самоистребления. Потому и гарантирована вечность, ибо и готовится прыжок за пределы Местной системы галактик. Ибо и доказано такое же существование множества экзопланет в отдалённых галактиках, до которых свет домчится за миллионы, миллиарды лет. Потому, что ныне человечество на пьедестале сверхмогущества, вознесённый на несильных крыльях науки, техники, технологии. Потому и не страшно столкновение двух галактик, но точнее, гравитационное притяжение к себе чемпиона по размеру, по громадности на всём, всём космическом пространстве Местной системы галактик, каковым и является по слу-

чаю ли Вселенной галактика Туманность Андромеды, другой галактики, каковой и есть Галактика Млечный Путь, занимающей лишь второе место после чемпиона. И будет тогда грандиозное действо, грандиозный фейерверк вряд ли в масштабах Вселенной, но в пределах Местной системы галактик точно. И сплющатся многие звёзды и планеты, а Солнечная система окажется в самом хвосте эклиптики, где и будет самый ад мешанины от гравитации, когда будут и сплющиваться, и разметаться целые созвездия отдельно взятого рукава, внешнего рукава Галактики, в котором ныне и сияет Солнце. Но будет, произойдёт этот апокалипсис галактик через миллиарды лет. Где будет человечество...?

Да, стоит задуматься. Но и оглянуться бы не помешало, осмотреть самого себя, которому и предоставлен персонально кокон в плазменной дуге – корабль с тяговым реактором на основе управляемого термоядерного синтеза на сырьё громадной необъятности космической среды, как двигатель вечно неистощимый. Так какое же у него наследие, ушедшее в прошлое от настоящего, вбирающее от территории будущего?

Ветром ли пронёсся время, бликом молнии. Он там, по длинной, длинной дороге памяти, от которой в этот миг не торнадо океана, но гладь ли спокойного озера. Он там, он в прошлом...

6

– Пора проверить твои способности на практике. Будет реальность, жестокая реальность. Спасения, помощи не жди...

– Я думаю, не дойдёт до этого...

– Ты уверен в себе?

– Я знаю...

– Почему?

– Третий глаз...

Капстад. Кейптаун. Один из красивейших городов мира раскинулся на побережье Атлантического океана, недалеко от мыса Надежды. Нет, не в Капстаде, не на мысе Доброй надежды, откуда впервые каравеллы, бригантины, разные корабли на парусах сворачивали на восток, а на Игольном мысе, в самой южной точке Африки он всматривался вдаль океана, точнее океанов. Смотрел на юго-запад, зная, что это волны вод Атлантического океана. Смотрел на юго-восток, зная, что это волны вод Индийского океана. А дальше по этой стороне Австралия. Стоило взгляд повернуть чуть на юг, и знал, что там Антарктида, которую старались уберечь от перенаселения.

И если Австралию, Антарктиду предполагал разумом, то вот эта огромная платформа сама представала перед взором. От неё и к ней сновали туда, сюда по выверенным маршру-

там сплошь грузовые дисколёты. Там был задействован наноапликатор – истинный рог изобилия.

Растворённые в любой воде, неисчерпаемо растворённые в водах Мирового океана, в данном случае в приграничных водах Атлантического и Индийского океанов, элементы периодической таблицы Менделеева попадали в реактор наноапликатора, что извлекал по атому и складывал, раскладывал. Предметы, вещи вырастали на глазах подобно грибам после обильного дождя. Нанотехнологический завод настоящего, что когда-то и был мечтой грёз учёных, инженеров, технологов эпохи космических полётов на основе жидкостного ракетного двигателя, когда затрачивалось три долгих сутки до Луны.

Пора было отвлечься от раздумий и отправиться туда, где ему не пообещали помощь, спасение. Так ли на самом деле? Но, вроде бы, знает он исход, уверен в финише, ибо и понимает как-то, предчувствует, что самое велико значимое, самое велико главное произойдёт, случится не на Земле, далеко не на Земле. Потому и вскинул взгляд на иссиня лазурное небо южных широт, что ночью и предъявит мерцание звёзд, тысяч, тысяч звёзд из велико необъятного множества, недоступных невооружённому глазу.

Пора было идти. Потому и взял направление в сторону каменных джунглей городов, что выросли ещё тогда, в эпоху перенаселения планеты до освоения звёздной системы. И он пошёл, чтобы дожидаться там вечера, а то и ночи...

Мерцание звёзд сплошь перебивалось огнями ночного города, когда он вышел...

В Кейптауне по ночам орудовали банды. Один из красивейших городов мира и раньше, в более ранние эпохи слыл одним из самых криминальных городов мира. Авангард человечества старался оставить духовный атавизм человечества на материнской планете, не выпустить на просторы Солнечной системы, а уж на экзопланеты Галактики тем более.

Бравые, не бравые ребята тусовались, собирались для весёлого времяпровождения вот в этих каменных джунглях Кейптауна. Владельцы летающих мотоциклов могли собраться на какой-нибудь крыше какого-нибудь небоскрёба. Но там легко можно было стать приманкой полиции, у которой также в арсенале имелись летающие мотоциклы. Но ведь имелся у полиции и более мощный воздушный транспорт в виде лёгкого дисколёта. А уж на нём достать их было делом времени, короткого времени. Так что приходилось спускаться для сбора на грешную землю, где также было много навороченных парней из мира их интересов. То они являлись владельцами весьма стремительных авто, таких болидов, двигатели которых работали посредством энергетических лучей с орбитальных станций.

Крохотная точка, предмет величиной с горошину, обликом мухи, повис в воздухе, который днём не заметить в свете, в сумерки, в ночь и вовсе становилась неприметной, растворяясь в свете ночных фонарей. Муха никогда не завис-

нет в воздухе. Смысл его был понятен ему. Ибо он на испытании. Но не мысль о том, что ему могут в случае пика экстремальности помочь, держал жух в успокоении, другое, другое. Уверенность, не перешедшая черту до самоуверенности, уверенность в самом себе, знание истинной силы, что затаилась в арсенале, каковым и есть во всём территория его личности, именно его...

Он вышел на арену предполагаемого действия и пошёл. Проходил как будто мимо одного сборища бравых парней, этаких джентльменов удачи. Как будто проходил мимо по своим делам. О-о, да кто же ходит при свете ночных фонарей по своим делам в самых дебрях каменных джунглей?! Потому и был остановлен сразу же через несколько десятков метров чересчур грубовато приказным тоном. Что ж, ему пришлось остановиться, чего и потребовала не толпа, весьма организованная группировка. А она же, в свою очередь, как бы облизнулась подобно волку, завидевшему ягнёнка. Но знать бы...

Он давно и сразу заметил завалившийся железный прут, толстый прут. Потому и подошёл неспешно к нему, взял на руку, приподнял, а позже и ухватился за него, за оконечности его. О-о, такого никогда не бывало в дебрях каменных джунглей! У этого парня хватило духу на сопротивление? Любопытство вместе с исчадием зла рванули вверх у всех, всех молодчиков, владельцев транспорта летающего, не летающего. Ибо этот парень с железной монтировкой ли, точно

прутом будто изготовился против них, вооружённых до зубов. Пули так и искромсают в решето. Жаль, что лазерные пистолеты за пределами Земли. Но, и то иногда успевают их пронести через орбитальную таможню. Но и с этим стали бороться, успешно бороться...

Он понимает, что мозги оппонентов заволокло и злобой непомерной, и любопытством одновременно. Он знает, что и со времён охоты на мамонтов, и гладиаторских боёв на арене Колизея у людей всех исторических эпох всегда ценилась грубая ли, животная ли, но сила, физическая сила, к которой добавлена сноровка бойцовского порядка и такой же дух как основной компонент. Потому он и продемонстрирует...

Случилось лишь одно мгновение, когда установилась тихо ровная гладь успокоенного озера...

Рекуперация механической энергии мышц. Когда-то рассчитали КПД скелетных мышц спринтеров, что составил всего 5—6 процентов от 100. Рассчитали КПД скелетных мышц штангиста, отрывающего штангу, что составил таких же 5% от 100. У животных КПД достигает до 50% – 70% ...

Он держит прут, но не просто. Видит мозг, как нейтрография ли, видит узлы кристаллической решётки, расположение молекул, атомов. Руки изготовились от сконцентрированного мозга, от духа заострённого. Миг последующий и старт механохимической машины...

Он сжимал, сгибал феноменальной силой экзоскелета сам

железный прут, который поддавался подобием пластилина, загибал эффектом краткосрочной рекуперации механической энергии мышц. Далеко не 5% в момент поднятия штанги.

Остолбенели. До каждого доходило понимание того, что произошло, что это значит. И каждый примерил на себя, попадись вот с этим таинственным незнакомцем невероятной феноменальной физической силы один на один без оружия в каменных джунглях городов...

Психическая атака удалась, на миг застопорив сознание, над которым и взвился дым удивления, непомерного удивления, перемешанного с изрядной долей страха. Но пройдёт этот миг, и потянутся руки к разного рода пушкам, пистолетам разного калибра. Потому он – властелин инициативы и применит это оружие, главное оружие, идущее, воздающее от глубин синей бездны, как затаённый яростный джин в неволе.

Истошная печаль неистово сдавит сердце, ибо он – монстр ситуации начинает.

Огромный диапазон звуковых частот звуковых частот в природе Вселенной, но дано, предоставлено человеку слухом уловить звуки в строго определённых частотах от 15 до 22 тысяч Герц. Но голосом же человек способен издавать в ещё более узком, очень узком диапазоне от 500 до 4 тысяч Герц. Животный мир в этом плане намного превзошёл человека, владея широчайшим спектром

от 1 до 100 тысяч Герц.

Эта атака ударила в мозг и сердце, на разум и дух одновременно, атака через уши, через слух. То наступил армагеддон на отдельно взятой территории, над которой продолжал властвовать этот незнакомец, каковым и явился он. Оппоненты, как овцы на заклание...

Его мозг направил инфразвук, как оружие, акустическое оружие на основе особенного диапазона давящего электромагнитного излучения от ужасающей истины пронзающей акустики. Он не применил 7 Гц, что остановит сердце. То бил их частотами и в 5 и в 6 Гц, что ударило по печени, навевая на разум парализованный и меланхолию, и болезнь морскую. То зарезвился вовсю, что ни на есть, дрессированный инфразвук, что дыхнул в душу каждого омерзительно холодный лёд липко пригибающего страха, что помутится разум, что разверзнётся дух...

Да, ему подвластны ошеломляющие комбинации невероятных звуков, ужасающих звуков...

Некогда организованная группировка побежала неорганизованно, одной надеждой на ноги, быстрые ноги, что и брошен транспорт летающего, не летающего свойства.

Инцидент этот записывался на видеокамеры орбитальной станции, что разом предоставляла это в полном объёме в ближайшее полицейское отделение, откуда уже срывались на летучих мотоциклах, в придачу с лёгким дисколётом, отряд быстрого реагирования.

Вот на них-то он не захотел применить оружие и потому рванул, побежал. Стартовый рывок как ветра порыв неожиданный. Ноги его так и замельтешили будто спицы велосипедного колеса. Но летающие мотоциклы и лёгкий дисколёт полицейских ещё быстрее, потому и сокращается расстояние. Впереди стена, каменная стена, скорее, стена из кирпича.

На экстремальной дистанции он рассчитал, приготовил тело, что немного сложится, изменит траекторию. Потому, не сбавив скорости, он впрыгнул в стену и побежал вверх по вертикали. Обманул ли он гравитацию? Подошвы будто намагничивались в кратчайшие доли мига и также размагничивались, когда он и заскользил парящим ветром.

Конечно, такое не могло остаться без внимания от преследователей в униформах, что и отобразится в отчётах, изобразив и недоумение, и удивление. Но читая дальше, и во все подвергнутся шоку изумления. Но это уж по прошествии времени.

Оказавшись на вершине стены, он увидел на другой стороне высокий фонарный столб в стороне. И тотчас же прыжок, как прыжок обезьян от пальмы к пальме. И прилип на миг секунды, чтобы и дальше продолжить действие, сопряжённое с феноменальностью движения, каковым достойно обладают домашние кошки, да обезьяны джунглей. И было отчего. У него феноменальный мозжечок, возможно, единственный на планете, в Солнечной системе, на экзопланетах далё-

ких звёзд Галактики, мозжечок напрямую соприкасающийся с корой головного мозга. И в этом плане у него синдром саванта в области навыка движений. Раз увидел и исполнил, не затратив времени на обучение технике движения в от-дельно взятом виде спорта.

Секунда, две, три, четыре и он на вершине фонарного столба с опорой на сам фонарь. Не прошло и нескольких секунд, как летающие мотоциклы держателей закона в добавок с лёгким дисколётом виражируют, облетают вокруг и около вершины фонарного столба, подобно пчёлам над цветком.

Взыграй игра соотнесённости сознания чёрным заревом в огне ночных фонарей! Взыграй беснующей волной танцующего транс! И обхвати...

Мост, незримый мост от синей бездны к разумах не подзревающим. Как откровение.

И доверится доверчивый брат. И пойдёт, уйдёт туда... за ним, захоронив свою суть за горизонт событий. Как придыхание иной субстанции, иной силы. И был ли ветер от высокой истины? Что было это? Кто бывал там?

– Где он? Ты видишь...

– Не знаю...

– Но был, же, здесь...

– Свет фонаря. Но где же...?

– Вижу что-то...

– Что?

– Взгляд на свету, внутри...

– Как?

– Может, показалось...

Когда он вернулся из Капстада, Кейптауна, его ждал Риэнс Тан. Вид был у него довольный, как есть.

– Я видел всё от начала до конца..., – говорил он, будто выдавал откровение, хотя, так и было.

Не было такое заявление для него такой уж новостью. Маленький микроспутник, тот самый предмет величиной с горошину, фиксировавший всё вокруг и передававший всё происходящее в прямом эфире на орбитальную станцию в любом формате, какой и пожелает наблюдатель. На Земле, на самой наблюдаемой планете Солнечной системы таких микроспутников, что могли повиснуть на стометровой высоте над каким-нибудь оживлённым проспектом многомиллионного города или же над тихим фермерским полем, по прежнему как в старинные времена, выдающее на рынок продукты в первозданном природном виде. И этот микроспутник мог рвануть с места и, преодолев притяжение Земли, оказаться на его орбите. Потому и знал, что чудеса от его организма, такие феномены творятся на виду у наблюдателей в режиме онлайн.

– Скажи мне, – продолжал Риэнс Тан. – Почему они, brave ребята из полиции полетали вокруг тебя, как пчёлы вокруг цветка, летали, что видно было, что искали тебя и улетели, вот так и улетели, и дисколёт туда же.

– Они видели свет, огонь фонаря..., – таков и был его

ответ, отражающий истину того, что произошло той ночью в каменных дебрях Кейптауна.

Понятен был Риэнс Тану смысл этих слов. Его подопечный, его подчинённый побывал в глубинах синей бездны. Побывал и повернул ключ. Ибо и было заострённое внутреннее сконцентрированного духа, разума, извергнувшего луч из преисподней, что отразят глаза...

И надо было его использовать, поставить на службу дар его. Но где? Ответ нашёлся в его словах, в его просьбе, фундаментом которой послужил другой дар, что крылся под именем интуиции: И вняли его просьбе, и сочли нужным отправить его на одну из экзопланет Галактики, откуда он и попал на астероид скромным астрономом до нужного момента, который, по всей видимости, наступил...

Потому и предоставили ему одному персонально звездолёт, что и вызвало такое удивление на астероиде, посреди которого кое-где и попряталась зависть. Кто знал...

Был ли он таким с рождения? Скорее, больше в нём от манипуляции в «мусорной» некодируемой ДНК, что составит 95% от всего. Возможно, игра от HAR-1, мозга – отдельно взятого гена, подверженного направленной мутации...

Давно отступила, укрылась память, вернув его из того отрезка прошлого в данный тягучий миг, когда и потянулось настоящее в плазменном коконе корабля с тягой от реактора на основе управляемого термоядерного синтеза, что черпал и черпал вечное сырьё межзвёздного пространства. Но ско-

ротечен полёт внутри звёздной системы на таком двигателе, определяемой не днями, месяцами, всего часами. На экране онлайн вырастал и вырастал космический объект, чтобы закрыть полнеба. То и была экзопланета созвездия Гончих Псов.

Теория панспермии так привлекательна, экзотична. Жизнь, привнесённая извне, привнесённая из космоса. Из астероидов, прилетевших, свершивших путь из бездны Вселенной, и упавшей на Землю. Да такой полёт продлится десятки, сотни миллиардов лет, столько лет, когда и самой Вселенной не существовало, когда она покоилась феноменально невероятной тяжестью груза сингулярной точки в Пространстве, которое едва поддастся описанию, воображению. По другой же версии, более вероятной, астероид миллиарды лет назад, ещё на заре Солнечной системы, когда она лишь только образовалась в планетарную систему, астероид врежется в Марс, обитаемый бактериями, разнося почву в клочья, некоторые остатки которой взлетают вверх, в пределы холодного космоса, преодолевая толщу жидковатой атмосферы. И через миллионы лет в благополучной толще камня, от холода холодного космоса, достигают Земли, чтобы да упасть на неё и проронить этакое зерно для будущих ростков жизни. Красиво экзотичные теории. Но, ведь, понять нужно одно, учесть один самый важный, наиважнейший фактор. От Солнца примерно на расстоянии в 150 миллионов километров находится пояс, температурный пояс, что образовали лучи звезды Солнце спектрального класса G, при котором вода находится во всех трёх фор-

мах: лёд, пар, жидкость. При том жидкость в невероятном количестве, в невероятном объёме вод Мирового океана, да и вод пресноводных рек, озёр, да и грунтовых вод в придачу. Этот пояс, образованный лучами звезды, в данном случае Солнца, жёлтой карликовой звезды спектрального класса G, и является уникальным поясом во Вселенной по редкости комбинации, предоставляющей благоприятную форму для старта углеродно-белковой жизни. Этот пояс и есть гордость Природы Вселенной, этот пояс и есть зона Златовласки, в которой и расцветёт изумительное волшебство от Природы Вселенной, что и есть жизнь, Жизнь. Ну, а она в свою очередь и родит, образует сам истинный венец данного изумительного волшебства, который и есть разум, Разум.

Сторонники теории панспермии игнорируют этот факт, неприменимый аксиоматический факт того, что Земля, именно Земля находится в волшебной зоне, Зоне Златовласки, идеально вписывается в неё. Именно у неё, у Земли, самый ярко выраженный химический бульон во всей Солнечной системе. Потому и зародилась на ней жизнь, породив в свою очередь тех, кто и задумывается над этим.

Единственная планета звезды Сигма Гончих Псов – планета Гера удачно вписалась в расчётную обитаемую зону, в Зону Златовласки. И такой же химический бульон. И такая же потенциальная жизнепригодность для кислородной-углеродной основы с сопутствующей сочетаемостью геохимических, геофизических и астрофизических факто-

ров. И проявилась она в виде бактерий, большинство которых едва встречались на Земле. И не более, не сложнее. На такой планете с обильным теплом, не жаром, пеклом, присутствием зимы лишь на полюсах, могла бы всю зарезвиться в буйном цвете жизнь во всём её многообразии. Но нет. Унылое царство примитивной жизни подобного рода экстремофилов, и не более того. В первые же дни была изучены все подданные этой вполне земледобной планеты. Анализ суперкомпьютеров, супертранспьютеров на основе данных астробактериологии не выказал какой-либо опасности для человека, для его довольно хрупкого организма в космическом масштабе. Куда уж до экстремофилов, живучих бактерий разного рода. Но раз нет опасности, то стоило колонизировать, и притом не так затратно, без каких-либо усилий, вроде тотальной стерилизации всей планеты. Потому что человечество, вооружённое медициной наивысочайшего уровня, не собиралось останавливаться перед чем-либо, тем более отступать. Тогда начиналась эра тотальной экспансии Галактики.

Унылую картину экзопланеты нужно было разнообразить, что и было сделано за счёт переноса буйной, цветисто пёстрой жизни Земли. Флора, фауны Земли, прошедшие диспансеризацию и всё сопутствующее ей, вжилось, вписалось более удачно в экосистему экзопланеты гера, чем на планеты, спутники планет Солнечной системы, где пришлось изрядно потрудиться человечеству, преобразуя атмосферу, создавая

атмосферу...

И преобразилась Гера, как та самая коварная супруга Зевса, в честь которой и названа была экзопланета, на поверхности которой фауна и флора Земли приобрели неожиданную платформу для дальнейшего витка эволюции. Потому и стоило заняться ими, что и сделали, высадив целый сюда целый десант из биологов, зоологов, бактериологов и многих, многих других.

Прибыл термоядерный корабль тогда, когда Гера окуталась в светлую ночь. Не считая экипажа, из прибывших был один лишь он, которому дано содержать инкогнито истинность временного нахождения на единственной экзопланете Сигмы Гончих Псов. Да и вряд ли кто обратит на него внимание на Гере, куда продолжают прибывать и прибывать из Солнечной системы.

Первым делом он, равно и экипаж, обратил внимание, залюбовался огромно яркой звездой, искристо ярчайшим бриллиантом чёрно звёздного небосклона, каковым явилось Сердце Карла. Когда так называли и само созвездие Гончих Псов. Что ж, богато было воображение древних наблюдателей на Земле, но а само название было предоставлено астрономом Средневековья под чрезмерным влиянием угодливости перед высочайшей персоной короля Карла Великого. Мог ли он давать свет подобно Луне в ночи Земли? Но у этой планеты нет спутника, альбеде которого мог бы освещать тускло её поверхность, преображённую разумом,

родом из Земли. Сердце Карла освещая тускло, продолжало оставаться на месте, никак не собираясь последовать за горизонт, выказывая всем величавым видом своим, что оно отнюдь никакой не естественный спутник. Но, не долго, любовался этим. Его ждали, встречали из Службы Безопасности, иначе и быть не могло. Через некоторое время к нему подлетал небольшой отель, его временное жилище...

Природа и дом – окружающая среда землянина. Кроме материнской планеты, кроме Земли города в Солнечно системе отсутствовали. Как отсутствовали наркомания, пьянство кроме материнской планеты, кроме Земли. Конечно, не исчезли минусы и в Солнечной системе, но, всё же, на порядок выше. На Венере, Марсе, спутниках больших планет, таких как Юпитер, Сатурн, Уран отсутствовали не только города, но по большей части и стационарные дома, уступив господство летающим домам. Эти дома настоящего, царственные жилища, могли и висеть в воздухе на небольшой высоте или, же, на небольшой скорости летать над долинами, реками, озёрами, по большей части рукотворного свойства, но ведь могли и на орбиту взлететь. И если на экзопланетах Галактики могли лишь на орбиту, то в самой Солнечной системе такое дело вышло на такой уровень, что с недавних пор дома-дисколёты, оснащённые в довесок не чем-нибудь, а термоядерным двигателем, могли рвануть вместе с хозяевами в путешествие по Солнечной системе. Но и на Земле не отстали. Отдав города на откуп бедноте да всяким бан-

дам, (даже само его величество – наноаппликатор не мог так уравнивать всех до единого в плане сверхматериального достатка, однако, заслуженно снижал славу того, что уничтожил нищету и голод) богатые торжественно ли въехали в умные, высокоинтеллектуальные дома-дисколёты, ничуть не жалея о роскошных виллах. Туда переселялся средний слой, затаив зависть к владельцам летающих домов. Ну, а счастливый владелец дома-дисколёта никогда не оставался на одном месте, любуясь в один день красотой Байкала, ночуя в бреющем полёте над саванной Серенгети, на следующий день, отработав на фрилансе в интернете, мог любоваться водопадом Виктория или, же, махнуть через Атлантический океан обозреть джунгли берегов Амазонки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.